

Бер. Москва - 1997 - 22 июля - С.5.

Последний спасенный Булатом Окуджавой

Меня не было в Москве, когда она хоронила Булата Шалвовича Окуджаву. Я пришла на его могилу спустя две недели. Розы и полевые ромашки так же свежи: москвичи приносят их сюда каждый день.

Рядом со мной у могилы стоял пожилой человек. Он беззвучно плакал, и, заметив меня, вдруг начал говорить о том, что Булат Шалвович не раз спасал его. Я не спрашивала, от чего и как спасал. Мне было не до того. Да и ему тоже не до расспросов. В ту минуту подумалось только одно: вот и еще один человек, которому эта могила — родная. Наверное таких, как он, много, но я не знаю их историй. Мне доподлинно известна только одна, и я успела прикоснуться к ней буквально за несколько дней до поездки Булата Шалвовича за рубеж, из которой он не вернулся. А рассказать ее мне поможет редактор журнала «Российский адвокат» Ромен Аронович Звягельский.

— Ромен Аронович, встреча с Булатом Окуджавой за несколько дней до его отъезда, участниками которой мы оба с вами были, произошла ведь по вашей инициативе?

— Да, я попросил о ней Булата Шалвовича, и он согласился. Это был тот случай, когда все люди, причастные к освобождению из заключения Константина Чередника, были в Москве — Александр Суханов, президент фонда «Попечитель», его заместитель Сергей Андриенко и адвокат фонда Светлана Рачеева.

— Но и главный участник этой истории — сам Булат Шалвович?

— Конечно! Без него нам было бы трудно «вытащить» ни в чем не повинного человека из зоны!

— Расскажите, что это за история и какую роль в ней сыграл Булат Шалвович.

— Два года назад сотрудник нашего журнала Владимир Селедкин был в командировке в исправительно-трудовой колонии под Вязниками Владимирской области. И ее начальник, полковник внутренней службы Николай Сергеевич Паневин, рассказал ему об одном заключенном — Константине Череднике, о том, что история его осуждения вызывает у него много сомнений. Он попросил журналиста помочь в ней разобраться. История действительно оказалась туманной. В 89-м году молодой предприниматель из одного подмосковного города Константин Чередник поехал по своим делам в Таллин. Вечером, после работы, зашел с приятелем в летнее кафе на Ратушной площади. Они уже собирались уйти, когда в двух шагах от их столи-

Слева направо: Р. Звягельский, И. Можаровская, О. Окуджава, С. Рачеева, И. Глинка, Б. Окуджава, Т. Глинка. Во втором ряду — А. Суханов и С. Андриенко

ка завязалась драка. Костя увидел, как огромный парень душил человека, гораздо слабее его. Он бросился на защиту, но ничего не успел сделать: его оглушили бутылкой по голове. Очнулся только на вторые сутки в больнице и... увидел сидящего напротив милиционера. Схватился руками за перебинтованную голову, спросил: «Я здесь надолго, наверное?». «Конечно», — ответил человек в милицмейской форме, — ты убил человека».

Не буду говорить о его состоянии. Скажу лишь, что следователь при первой же встрече с Чередником заявил, что он специально приехал в Таллин, чтобы «убивать эстонцев». Адвоката ему не дали. Суд не стал проверять версию, по которой не Чередник, а кто-то другой нанес удары ножом погибшему. К тому же суд проходил на эстонском языке, и Костя ничего не понимал. Если вы помните, Эстония спешила в тот год обрести независимость, и ей ни к чему было дотошное разбирательство дела, в котором замешан русский.

Чередника приговорили к 12 годам лишения свободы. Год он провел в таллинской тюрьме, а потом его отправили в зону в Вязниках.

— Насколько я понимаю, вас взволновала судьба этого заключенного?

— Еще бы! Ведь все в его «деле» шито белыми нитками! В колонии, по словам Н. С. Паневина, Костя был на

хорошем счету. Ему помогали выживать увлечения живописью, музыкой. Он украсил своими иконами молитвенную комнату (сейчас иконы перенесены в храм, построенный в зоне), писал стихи, песни, участвовал в самодеятельности, и сам начальник колонии понимал, что он попал сюда ни за что.

— А почему вы решили обратиться к Булату Шалвовичу?

— Ну во-первых, он был членом комиссии по помилованию при президенте, и потом, это всем известно, он — человек исключительной совести, и что немаловажно — поэт, которого я люблю с дней своей юности.

— А как вы впервые встретились с Булатом Шалвовичем?

— Я послал ему наш журнал с просьбой посмотреть, и если журнал ему понравится — позвонить мне. И он позвонил, и я приехал к нему домой. Рассказал о судьбе Кости. Потом комиссия, в которой работал Окуджава, затребовала из колонии документы на Чередника.

— И долго длилась эта работа?

— Почти полтора года, за это время я несколько раз встречался с Булатом Шалвовичем. Он очень близко к сердцу воспринял судьбу Кости. Никогда не забуду тот февральский день нынешнего года, Булат Шалвович позвонил мне и радостным, неожиданно молодым голосом буквально прокричал: «Поздравляю! Нашего Костю освободили!».

Слова «Наш Костя» меня взволновали до слез. В тот день президент подписал указ о его помиловании.

— А как сам Константин узнал о своем освобождении?

— Я позвонил тут же Паневину и спросил, как он смотрит на то, если я поговорю с Костей. Он согласился, дал на коммутатор команду, и вот я слышу: «Осужденный Чередник слушает». Я ему: «Костя, сынок, ты уже не осужденный. Президент подписал указ о твоём помиловании!». Наступила очень длинная пауза. Наконец Костя произнес сдавленным голосом: «Спа...», и слышу: плачет.

— Ромен Аронович, а Булат Шалвович не встречался с Константином?

— Нет. Но когда мы с Владимиром Селедкиным, Александром Сухановым и Сергеем Андриенко поехали за ним в зону, у меня мелькнула мысль пригласить Булата Шалвовича. Позвонил ему. «Если б я немного лучше себя чувствовал — непременно бы поехал», — сказал он. Знаете, вся зона ждала вместе с Костей вестей о его освобождении. И когда мы приехали, заключенных собрали в клубе. Я сказал им, что освободить Костю нам помог Булат Шалвович Окуджава. Видели бы вы, что творилось в зале при звуках этого имени!

— И куда вы отвезли Константина?

— С нами приехала группа артистов во главе с Заслуженным артистом

России певцом Сергеем Зверевым. Они дали концерт, что в зоне большая редкость. В общем, был праздник. Мы и предполагали отвезти на нашей машине Костю домой, но тут вдруг вспомнили, что он в тюремной робе. Хотелось скорей его увидеть совсем свободным. И мы поехали на рынок в Вязники. Смотрим, мужчина продает мясо. На нем прекрасная норковая шапка. Сергей Андриенко спрашивает, за сколько он ее купил. «За пятьсот тысяч», — говорит. Сергей дал ему миллион, и мужчина продал нам шапку для Кости. И, как на грех, не было мужских курток. Нашли группу торговавших цыганок, у одной из них дома оказалась на продажу хорошая мужская куртка. Мы с той цыганкой — в ее деревню. Купили.

Вот так и привезли Костю домой.

— Его кто-нибудь ждал?

— Не успели в суматохе предупредить маму. А когда она открыла дверь — то так и осела... А в их доме было совсем пусто...

Вот такая история. Вот почему за несколько дней до отъезда Булата Шалвовича мы собрались в Кукольном доме его жены Ольги Владимировны: все, кто был причастен к освобождению Кости Чередника, да еще я по приглашению Ольги Владимировны. Ромен Аронович Звягельский привез Булату Шалвовичу подарок от Константина: икону Божьей матери, которую он сам нарисовал. Поэт поблагодарил, но попросил, чтобы Костя подписал икону. Потом я узнаю, что Костя не смог этого сделать: на иконах никогда не ставится фамилия художника, не делаются никакие надписи.

Булат Шалвович в тот день хорошо себя чувствовал. Он много шутил, общался с гостями. Мне, например, рассказал, что принял предложение о выпуске диска, на котором каждая из записанных песен будет звучать сначала в его исполнении, потом эта же песня на японском, польском,

Булат Окуджава и Ромен Звягельский. Фото Ольги Окуджавы

шведском, французском языках. И мы все образовались тому, ведь пластинки или диски с любимыми нами песнями давным-давно не выпускались.

... И никто из нас не мог и предположить, что это последняя наша встреча с поэтом, что мы последний раз его снимаем, и всю оставшуюся жизнь не будем счастливы «благодаренье снимку», который сделали на прощанье, и который мы сегодня публикуем.

Татьяна ГЛИНКА